

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

**Социалистический реализм
как историко-культурная проблема**

*Ответственный редактор
П.М. Куренная*

Москва, 1995

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук А.А. Гугнин,
кандидат филологических наук Н.М. Куренная,
доктор филологических наук Л.А. Софронова

ISBN 5-7576-0008-X

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1995

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

(Несколько тезисов для сопоставительных исследований)

1. Термины "магический реализм" и "социалистический реализм" формировались в литературно-общественном сознании почти синхронно. Первый из них первоначально получил широкое распространение благодаря литературному движению новеченто в Италии, в рамках которого в 1926–1929 гг. выходил международный журнал "Новеченто", издававшийся сначала на французском, а затем на итальянском языках; в журнале публиковались итальянские (А. Моравиа, М. Бонтемпелли, К. Альваро и др.), немецкие (Г. Кайзер) и англоязычные (Дж. Джойс, Д.Г. Лоренс, В. Вулф) писатели. Ведущим теоретиком магического реализма стал на данном этапе итальянец Массимо Бонтемпелли (1878–1960), начинавший как футурист, перешедший затем к антибуржуазной реалистической сатире и выдвинувший наконец формулу магического реализма, которая "требовала сочетания реалистической конкретности с гротескной фантастикой, смешивающей реальные закономерности" ¹. Читая это обобщающее суждение З.М. Потаповой о магическом реализме, нельзя сразу же не отметить его идеологической окрашенности: отечественные литературоведы (и автор этой статьи – тоже один из них) в большинстве своем вплоть до последнего времени хорошо знали, где лежат эти самые "реальные закономерности", которые зачем-то пытаются "смешать" магические реалисты. На самом же деле все обстояло скорее наоборот: магических реалистов прежде всего не устраивала примитивная трактовка "реальных закономерностей", господствовавшая в массовом идеологическом сознании эпохи, и

они пытались с помощью целого ряда специфических литературных приемов показать, насколько обманчив примитивно-идеологизированный взгляд на действительность, где якобы господствуют четкие "реальные закономерности". Как мне уже приходилось писать, в произведениях магических реалистов при внешне достоверном развертывании сюжета и очевидной наглядности деталей повествование насыщается элементами, постоянно взрывающими изнутри мнимую очевидность и обнажающими все более глубокие и непознанные слои реальности до тех пор, пока привычная реальность расшатывается и за ней достаточно зримо обрисовываются контуры гораздо более страшной, объемной, неизвестной и неустойчиво мерцающей реальности, в которой начисто утрачивают свою значимость ориентиры и стереотипы поведения, выработанные на уровне первичной – обманно очевидной – реальности². Таким образом, вопрос о "смешении реальных закономерностей" у магических реалистов отнюдь не относится к числу самых простых и при разрешении его заведомо бесперспективно становится в позу человека, досконально знающего, где "реальные закономерности" и где они начинают "смешаться". При этом необходимо подчеркнуть, что, видимо, вовсе не случайно в 1920–1930 гг. магический реализм дал наиболее очевидные всходы в Германии, Италии и России, то есть в странах, где эти самые "реальные закономерности" – социалистические или национал-социалистические – внедрялись в массовое сознание с наибольшей настойчивостью и последовательностью. В России возникла удивительная проза Андрея Платонова, буквально насыщенная характерными для эпохи идеологическими штампами, которые, однако, будучи "перемешены" из идеологического газетного контекста в художественный, мгновенно меняют свои функции и "саморазоблачаются". (Лишь один пример, два первых предложения "Котлована": "В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устранился с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда".) "Магия", с помощью которой магические реалисты пытались пробить окно или

хотя бы брешь сквозь заидеологизированную массовую тупость эпохи, чтобы обнаружить "реальные закономерности" иного, более высокого порядка, осуществляется у А. Платонова почти в каждой фразе, и в восприятии читателя все время доминирует удивление: с одной стороны, перед потрясающей достоверностью повествования и, с другой стороны, перед совершенной невероятностью описываемых событий (как в том же "Чевенгуре", где в конце романа не остается в живых ни одного человека, что немыслимо в традиционном реалистическом романе).

2. Магический реализм как художественный принцип постепенно складывался из большого и разноречивого потока модернистских и авангардистских группировок начала XX в., когда из них стали выделяться писатели, постепенно осознававшие недостаточность одного лишь формального протеста против неприемлемых для них идеологий и общественных структур и стремившиеся к восстановлению целостной концепции мира вне рамок господствовавших идеологий. Модернистские и авангардистские приемы, разумеется, и особенно на первых порах, сохраняются в творчестве магических реалистов, потому что именно эти приемы помогали взламывать и размывать традиционно унаследованную от философского позитивизма и реализма XIX в. упорядоченную и целостную картину мира. На практике любой модернист мог сближаться с магическим реализмом — как только он отчетливо осознавал необходимость на месте разрушенной уже традиционной картины мира воссоздать новую картину, пусть и не столь завершенную, но все же тяготеющую к целостности. Даже если будущие магические реалисты и не проходили через специальную выучку в модернистских кружках и школах (Э. Лашгессер, А. Платонов), они все равно должны были использовать уже найденные модернистами приемы или находить собственные, в той или иной степени родственные модернистским: перед магическими реалистами всегда вставала проблема изображения двух "реальностей", из которых одна — хотя и очевидная для массового идеологического сознания, но отнюдь не доподлинная, —

должна была быть размыта и устранена, чтобы уступить место другой, претендующей на внесоциальную и вневременную истинность. В этом размывании и устранении позитивистско-реалистической картины мира модернисты были непревзойденными мастерами и обойтись без соприкосновения с ними при выполнении частично сходной задачи было практически невозможно³.

3. В противовес магическому реализму, стремившемуся вырваться за пределы магнитного притяжения господствовавших идеологий, социалистический реализм, уходя своими корнями в социалистическое движение и в социалистическую идеологию, открыто признавал свою приверженность определенной идеологической доктрине. В социалистическом реализме тоже неизбежно соотносились две "реальности": та, которая пока существует как очевидная данность, и та, которая неизбежно должна возникнуть в жизни в результате ее "революционного развития". Задача социалистического реалиста состояла вовсе не в том, чтобы "лакировать" изображение всем известных и очевидных реальностей жизни (не случайно такие писатели получали клеймо "лакировщиков"), напротив, на этом ярусе изображения писатель мог быть сколь угодно реалистичен и даже сгущать краски – лишь бы создаваемая им картина отчетливо подводила к мысли о необходимости "революционного развития" и показывала достаточно заметные ростки этого развития, которые убеждали бы читателя в том, что нарисованная писателем первая реальность будет рано или поздно преодолена и устранена и на смену ей придет другая "реальность", гораздо более светлая и праздничная, и ради этой второй "реальности" стоит сегодня жить, сражаться и умирать. На уровне изображения первичной реальности социалистические реалисты могли прямо опираться на традиции реализма XIX в. и даже развивать их, могли они в отдельных случаях использовать и модернистские приемы (ведь первичную реальность им тоже надо было не только критиковать, но и разрушать). Отличительная новизна социалистического реализма началась на уровне изображения второй – еще не существующей – "реальности", в которую нужно было заставить поверить и самого себя и своего читателя. Социалистические реалисты должны были, пристально вглядываясь в жизнь, то есть в первичную реальность,

искать и находить в ней ростки второй – новой – "реальности", которая в идеологической риторике постепенно обрела вполне четкие контуры неразрывного триединства: "новый человек", "новые общественные отношения", "новое общество". При сопоставлении магического и социалистического реализмов в плане отражения в творчестве писателей двух "реальностей" необходимо, разумеется, не абсолютизируя, все же принимать во внимание следующее: социалистический реализм у своих истоков, да и в дальнейшем, как правило, вовсе не предполагал и не требовал приукрашивания первичной реальности (и "Поднятая целина" М. Шолохова в этом плане достаточно показательна), социалистический реализм примитивизировал вторую – будущую – "реальность" (оттого так трогательно или раздражающе-наивны – как посмотреть! – многие рассуждения Пагульного и Давыдова о будущем в той же "Поднятой целине"); магический реализм волею-неволею должен был примитивизировать первичную реальность, потому что она заранее была для него неприемлемой, поскольку выступала прежде всего в идеологической оболочке, обволакивавшей массовое сознание (оттого-то главные творческие достижения магических реалистов расположены на втором ярусе, в их изображениях второй, доподлинной "реальности"). При этом важно помнить и то, что само по себе противопоставление видимости и сущности жизни, кажущейся жизни на поверхности и доподлинной жизни в ее глубинах в тех или иных формах существовало в литературе с незапамятных времен, и когда, например, современный мексиканский писатель К. Фуэнтес пишет: "Я всегда стремился прощупать за обманчивой оболочкой действительность более жизненную и гибкую, чем очевидная повседневная действительность"⁴, то вовсе не обязательно на основании такого заявления сразу же относить его к магическим реалистам. И "Крейцера соната" и "Смерть Ивана Ильича" Л. Толстого отчетливо несут в себе сопоставление двух планов жизни, но сам Л. Толстой из-за этого никаким магическим реалистом не становится. Помимо противопоставления двух планов жизни, что в магическом реализме неизбежно и само собой подразумевается, магические реалисты постепенно выработали целый ряд специфических литературных приемов, которые по отдельности уже достаточно широко использовались пи-

сателями (прием выстраивания "замкнутого пространства", как, например, в "Волшебной горе" Т. Манна или в "Замке" Ф. Кафки, или прием "игры со временем", показа относительности и субъективности хода времени в той же "Волшебной горе", о чем литературоведы уже достаточно много писали), но лишь в своей совокупности дают новое качество: магический реализм. Поскольку важнейшие из этих приемов были уже перечислены, то повторять их здесь, видимо, нет необходимости⁵.

4. Сопоставительного изучения магического реализма и социалистического реализма ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении практически еще не существует. Более того, сам уровень и характер изученности этих литературных методов и направлений в мировой литературе на сегодняшний день еще с трудом поддается объективной оценке. Социалистический реализм, возникавший и развивавшийся в русле социалистической идеологии и социалистического движения, вплоть до самого последнего времени изучался либо активными сторонниками этой идеологии, либо ее столь же активными противниками. Сотни и тысячи трудов, вышедших из-под пера сторонников названной идеологии, отражает прежде всего логику и динамику развития самой социалистической догмы на протяжении более чем столетнего периода ее реального и нарастающего участия в мировом общественном развитии⁶, иначе говоря ее саморекламу и самооправдание, которые в период "перестройки" постепенно сошли почти на нет, во многих случаях уступив место яростной "самокритике"⁷. Менее многочисленные, но все же обширные труды противников социалистической идеологии и социалистической догмы стремились прежде всего к развенчанию этой догмы, искали и находили ее слабости и подвохи, иллюстрируя отражение этих слабостей догмы примерами из отдельных произведений социалистического реализма.

Магический реализм, возникавший прежде всего как антиидеологическое течение, если и изучался, то прежде всего в его национальных и региональных разновидностях, да и то, как правило, лишь в тех случаях, когда сами писатели провозглашали свою приверженность к нему. Первый парадокс состоит в том, что, хотя отдельной статьи или даже заметки о магическом реализме нет ни

в одной отечественной литературной энциклопедии или справочнике⁸, само это понятие с завидным постоянством употребляется как в энциклопедиях, так и в статьях и монографиях. Ю.Ф. Сидорин пишет о П. Дене (род. в 1912 г.) как "основателе "так называемого" "магического реализма" – направления в бельгийской и нидерландской литературах"⁹. С.А. Миронов пишет о Х. Лампо (род. в 1920 г.) как о "представителе одного из модернистских течений – "магического реализма" в бельгийской литературе"¹⁰. З.П. Плавский пишет о том, что после второй мировой войны в аргентинской литературе "начинает распространяться экзистенциализм, "магический реализм" и другие космополитические течения"¹¹. В своих статьях о новеченто З.М. Потапова употребляет понятие магический реализм без кавычек: "Главной формулой новеченто был так называемый магический реализм, смысл которого – открытие в обыденной жизни, в человеке, в природе зон поразительного, ирреального, таинственного"¹². Наиболее изученным в отечественном литературоведении до сих пор остается немецкий магический реализм, но изучается в основном период после второй мировой войны, когда магический реализм практически занял ведущее положение в литературе западных зон оккупации и в ФРГ. Упомянуть стоит диссертацию Л.П. Мальчукова "Реализм и "магический реализм" в западногерманской литературе 1945–1949 гг." (Л., 1971), главы И.М. Фрадкина и И.В. Млечиной в "Истории литературы ФРГ" (М., 1980)¹³, предисловие А.В. Дранова к роману Г. Казака "Город за рекой", одному из наиболее характерных произведений немецкого магического реализма¹⁴. В то же время нельзя не заметить, что даже и отечественные германисты предпочитают употреблять понятие магический реализм в кавычках, хотя и немецкие писатели, и критики, в свое время немало дискутировавшие о магическом реализме, писали о нем как о факте естественном и состоявшемся и никаких кавычек для размышлений о нем им не требовалось. Причины недоверия отечественных литературоведов к магическому реализму отчасти проясняет одна из формулировок Л.П. Мальчукова: "Реалистический метод по существу нейтрализовался надбавкой, дополнениями, поправками к нему, смысл которых сводился к "преодоление" социального взгляда на мир"¹⁵. Таким образом, за маги-

ческими реалистами сразу же закреплялись по крайней мере три несмыслимых греха: во-первых, они "нейтрализовали" и разрушали реализм, во-вторых, отказывались от – святая святых – "социального взгляда на мир", и, наконец, в-третьих, они для художественного претворения в текст двух первых грехов активно использовали "надбавки, дополнения и поправки", то есть, попросту говоря, разнообразный арсенал средств и приемов, уже разработанных в различных течениях модернизма XX в. Сюда же прибавлялась еще и специфика нашего восприятия западногерманской литературы – ведь магические реалисты не входили ни в Группу-47, ни в Группу-61, ни тем более в какие-то еще более левые писательские группы и организации в ФРГ, которые мы постепенно начинали признавать и издавать (хотя и со "скрипом", и с задержками, но все же издавались у нас Г. Белль, Г. Грасс, М. Вальзер и т.д.). Магические реалисты духовно противостояли всем этим группам, а потому у нас практически совершенно не издавались, наиболее осторожные литературоведы и критики избегали упоминать понятие "магический реализм" даже в кавычках. В.И. Стеженский, к примеру, так обошел проблему магического реализма в энциклопедической статье о Г. Казаке: "В 1947 г. опубликовал мистико-символический роман о послевоенной Германии "Город за рекой", проникнутый пессимистическими идеями"¹⁶. А уж он-то, будучи референтом по литературе ФРГ в Союзе советских писателей, прекрасно знал, какие дебаты шли в послевоенной Германии вокруг этого романа Г. Казака и как формировалось в этих дебатах само представление о магическом реализме, дошедшее даже – благодаря многочисленным переводам романа – и до Латинской Америки. Сюда же следует добавить и то, что в отличие от своих итальянских и бельгийских собратьев по перу немецкие магические реалисты никогда не публиковали специальных манифестов и не утверждали, что они магические реалисты, – так их стали называть с 1947 г. немецкие писатели (Г.В. Рихтер, основавший в том же году Группу-47) и немецкие критики (в частности Г. Поль, опубликовавший в 1948 г. статью "Магический реализм?"), пытавшиеся уяснить специфику этой группы писателей (Э. Ланггессер, Х. Ланге, В. Леман, К. Кролов, Г.Э. Носсак и др.) в заново складывавшемся

литературном ландшафте Западной Германии. В то же время следует подчеркнуть, что вышеназванные и многие не названные писатели, которых в пылу общественных и литературных дискуссий 1940–1950-х гг. критика относила к магическим реалистам, никогда не составляли монолитной литературной группы, каждый из них прибегая к собственному магическому реализму поодиночке и сугубо индивидуальным путем: не случайно термин "магический реализм" был употреблен в Германии впервые искусствоведами в середине 1920-х годов, именно с того времени (если не еще раньше) началась в немецкой литературе постепенная трансформация символизма, экспрессионизма и сюрреализма в направлении магического реализма, трансформация медленная и теоретически почти не осознаваемая. Магические реалисты крайне редко придумывали какие-то новые литературные приемы, еще реже декларировали их, но используя и трансформируя уже известные модернистские приемы, они совершенно по-своему компоновали их, выстраивая свое двухъярусное видение мира, где первый ярус хотя и совершенно очевиден, но с высоты второго яруса столь же очевидно нереален, второй же ярус – то есть мир абсолютных, вневременных и внесоциальных, истин, – хотя и совершенно реален, но изобразить его традиционными и даже обновленными реалистическими средствами магические реалисты считали невозможным. Почему? Некоторый свет на этот вопрос проливает одна – кажется, сказанная в сердцах, – фраза Г.Казака: "Сюрреализм, магический реализм или что-то еще – прикладывайте любые этикетки к этому феномену внерациональной поэтики, вы не отнимете у этих форм выразительности их благотворности и законности, равно как и их укорененности в экспрессионизме"¹⁷. В данном случае для нас особенно важно понятие "внерациональной" поэтики, которая составляла основу основ магического реализма и которая была им необходима для построения внерациональной картины мира, ибо рациональную картину мира они тоже отвергали как идеологизированную, в которой человечество уже совершенно запуталось и в рамках которой уже никак невозможно найти истину, которая на самом деле (то есть на втором ярусе) может быть обнаружена лишь на внерациональных путях¹⁸. Вышесказанное помогает понять, почему изучение магического реализма постепенно заглох-

ло и в западногерманской науке: литературоведение в ФРГ (и не только в ФРГ), как бы оно не разветвлялось, развивается все же рациональными, а не внерациональными путями. Видимо, для адекватного изучения магического реализма должно возникнуть и адекватное ему "магическое" литературоведение, признающее по крайней мере объективную возможность и допустимость (а, может быть, и необходимость) использования тех же (или иных, еще более емких и разработанных) внерациональных категорий, к которым апеллируют магические реалисты. В противном случае мы будем пытаться на взрослого мужчину натянуть детский пиджак и ругать взрослого за то, что наш детский пиджак ему не подходит...

5. Весьма перспективным для дальнейшего изучения национальных и региональных вариантов магического реализма представляется изучение творчества отдельных писателей в рамках "балканской модели мира"¹⁹, "латиноамериканской модели мира" и т.д. Разумеется, понятие "модели мира" значительно объемнее, шире и глубже, чем творчество любого магического реалиста: "модель мира" создается в ходе жизни многих поколений людей в течение многих столетий, магический же реалист проживает свою короткую жизнь в рамках определенной исторической эпохи. И тем не менее магический реалист (например, И. Андрич на Балканах или Г.Г. Маркес и Х.Л. Борхес в Латинской Америке) стремится не только осознать и воспроизвести близкую ему национальную и региональную "модель мира", но и выйти за ее пределы: найти в ней моменты вне-региональные, вневременные, общечеловеческие и общезначимые – иначе он по самому определению уже не был бы магическим реалистом. Магический реалист – это обязательно человек удивительно образованный, уважающий и хорошо чувствующий чужие и географически далекие от него культуры, но все же я пока не встречал среди магических реалистов космополитов, ибо магический реализм немислим без очень глубоких корней, а такие корни, как правило, вырастают лишь однажды и на определенной почве и вытащить их из этой почвы практически невозможно, даже если сам писатель захочет впоследствии расшатать свои корни. Пока представляется, что больше всех стремился покинуть непосредственно немецкую

почву Г. Казак в своем "Городе за рекой", и все же, чем больше вчитываешься в роман, тем лучше понимаешь, что сконструировать столь грандиозную и всеобъемлющую философскую параболу если кто и мог, то, в первую очередь, именно немец. Да и приметы первичной реальности – военной и послевоенной Германии – в романе тоже совершенно очевидны, равно как и немецкий национальный менталитет.

6. Вышеназванные положения позволяют заметить, что в изучении обоих феноменов XX в. – магического реализма и социалистического реализма – еще достаточно много лакун, хотя, может быть, именно их сопоставительное изучение позволит пролить дополнительный свет на оба эти явления, поскольку во многих отношениях они находятся на совершенно противоположных полюсах: попытки найти вневременные, абсолютные, внеидеологические, вне социальные истины, с одной стороны, и столь же упорные попытки абсолютизации временных, конкретных, социальных и исторических, и особенно идеологических факторов, с другой стороны. В социалистическом реализме тоже была своя "магия" и своя "внерациональность" – ее-то и надо постепенно выявлять и исследовать. Ниже я предлагаю несколько конкретных наблюдений, позволяющих, как представляется, увидеть перспективность гораздо более детализированных текстуально-сопоставительных разработок.

А) Соотношение прошлого, настоящего и будущего. В магическом реализме прошлое – неотъемлемая часть настоящего, оно постоянно воздействует на настоящее, живет в нем, направляет и определяет его (в романе Маркеса "Сто лет одиночества" тень убитого "оживает" и преследует убийцу; "Мост на Дрине" Андрича весь соткан из истории; в "Проклятом дворе" того же Андрича далекая история врывается в современность и определяет ее; 33 посвященных у Казака в "Городе за рекой" воплощают высушку мудрость человечества, "Архив" вмещает в себя всю память человечества). В социалистическом реализме прошлое – чаще всего то, что нужно разрушить "до основания" ("Отряхнем его прах с наших ног"), прошлое здесь, как правило, "ненавистное прошлое" (начиная с романа "Мать" Горького), прошлое нужно смести и зарыть настолько, что-

бы оно больше не напоминало о себе (прошлое уничтожалось и в форме уничтожения церквей и культурных памятников, и в форме уничтожения частной собственности, и в форме уничтожения традиционного сословного общества – все это и многое другое разносторонне отражено в советской литературе и в литературах бывших социалистических стран). Прошлое "затаивается" в настоящем в виде врагов или пороков, которые нужно разоблачать, выявлять и уничтожать – будь то частнособственнические инстинкты, кулацкая психология или казачий заговор в "Поднятой целине". В магическом реализме настоящее – поток событий и поступков, приводные нити которых уходят в прошлое и направляются из прошлого; настоящее – просто очередное извержение вулкана, который клокочет с давних времен, и причины его извержений – в самой природе жизни, в человеческой природе, отражающей природу мироздания. В социалистическом реализме настоящее – поле (яростной) битвы за лучшее (прекрасное) будущее, которое приближается по мере того, как стряхивается прах прошлого с наших ног, побеждаются и уничтожаются "враги народа" и в самом настоящем появляются "посланцы будущего": стахановцы, ударники коммунистического труда, ветераны партии, ветераны труда, "Кавалеры Золотой Звезды". Будущее в магическом реализме вытекает из прошлого и настоящего и уже поэтому не дает никаких оснований для энтузиазма. В социалистическом реализме будущее – нечто прекрасное, общество справедливости и обеспеченности, окупающее все жертвы, лишения и тяжелый труд в прошлом и настоящем ("Наш паровоз, вперед лети – в Коммуне остановка").

Б) Если попытаться кратко охарактеризовать основную проблематику произведений, то в магическом реализме это – коренные проблемы человеческого бытия вообще, поиск основополагающих, вневременных (не зависящих от времени) параметров функционирования человека и человечества от древнейших времен и до современности, желание понять, ощутить эти параметры и взвесить дальнейшие шансы человечества, найти хоть какие-то основания, позволяющие надеяться на некий благоприятный исход. В социалистическом реализме это прежде всего – борьба против врагов и вре-

дителей (бюрократов, взяточников и т.д.) за новое общество и нового человека.

В) Если попытаться сопоставить рассматриваемые направления с точки зрения представлений о "новом человеке" и "новом обществе", фундаментальных для концепции социалистического реализма, то придется отметить, что в магическом реализме таких понятий нет и быть не может – особые люди, хранители опыта, мудрецы были всегда, и испокон веков, а – следовательно – они должны быть и есть в настоящем. Если даже возникает нечто вроде "нового общества" (Макондо в романе "Сто лет одиночества"), оно тут же воспроизводит все грехи "старого". В социалистическом реализме "новое общество" возникает по мере освобождения от груза прошлого и от его проклятого наследия и по мере "воспитания нового человека". Но странным образом вдруг обнаружилось, что этот "новый человек" во многом ведет себя как "сверхчеловек" Ницше: он попирает прошлое, он непременно атеист (то есть отрицает христианство и религию вообще), а создаваемая им "новая религия" местами удивительно напоминает "катехизис" из Ницше – "новый человек" навязывает миру "свою волю", убирая и уничтожая всех несогласных и вообще все, что не нравится; он цинично попирает все прежние святыни, ни перед чем не останавливаясь, его "воля" перерастает в волюнтаризм, способный субъективно перекраивать природу и общество и даже попирает естественные законы и науку (история советской генетики, кибернетики и агрономии – лишь некоторые штрихи из "биографии" "нового человека", "новый человек" – это, конечно же, Лысенко, но никак не Вавилов и Чаянов). "Новый человек" в социалистическом реализме – это обязательно или почти обязательно герой, он постоянно недоедает и почти не спит, его труды и усилия заметно превосходят физические возможности обычного, рядового человека ("Как закалялась сталь" и "Молодая гвардия" – всего лишь два примера из многих). Ничего подобного, разумеется, нет в магическом реализме, который в принципе "антигероичен".

Предложенные выше краткие тезисы и наблюдения, разумеется, претендуют лишь на то, чтобы привлечь внимание к новому и – как считает автор данной статьи – перспективному направлению исследований: сопоставительный анализ магического и социалистического реализмов, возникавших и развивавшихся одновременно или параллельно в сходных исторических условиях может не только помочь уяснению специфических особенностей каждого из этих методов в отдельности, но и существенно прояснить общую картину историко-литературного процесса в XX в., когда принципиальное приятие господствовавшей идеологии (читай: господствовавшей над умами социалистических реалистов) или столь же принципиальная попытка отказа от идеологизированного взгляда на мир (магический реализм) привели к возникновению совершенно различных художественных методов. Разумеется, оба названные метода не были статичными и могли претерпевать в XX в. самые различные трансформации, что также должно учитываться в сопоставительных исследованиях.

Примечания

¹ *Потанова З.М.* Массимо Бонтемпелли // Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962. С. 692.

² *Гулгин А.А.* Магический реализм: на примере романа Германа Казака "Город за рекой" (1947) // Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература. Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя. М., 1992. С. 40–44.

³ Мой взгляд на модернизм изложен в статье: Романтизм, модернизм, авангард (Несколько эмпирических наблюдений) // Литературный авангард. Особенности развития. М., 1993. С. 36–52.

⁴ Цит. по предисловию В. Кутейщиковой в кн.: *Фузэтес К.* Избранное М., 1983. С. 5.

⁵ См. примеч. 2.

⁶ См. статью: *Марков Д.Ф., Тимофеев Л.И.* Социалистический реализм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 414–416.

⁷ См. мои собственные статьи: Зарубежная литература XX века и задачи критики // Вопросы литературы. М., 1989. № 2. С. 76–86; Эмпирические размышления о том, как мы "перегнали" мировую литературу // Литературное обозрение. М., 1989. № 8. С. 34–39.

⁸ В обобщающем и в целом весьма солидном "Словаре литературоведения" (Wörterbuch der Literaturwissenschaft, Leipzig, 1986) есть большая статья и библиография по социалистическому реализму, но отсутствует даже и единственное упоминание о магическом реализме. Поистине: чего мы не хотим замечать, того просто не существует.

⁹ К.Л. Т. 9. М., 1978. С. 265–266.

¹⁰ Там же. С. 411–412.

¹¹ Там же. Т. 1. М., 1962. С. 286.

¹² К.Л. Т. 5. М., 1968. С. 308; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 248.

¹³ Имеется в виду прежде всего третий раздел главы И.М.Фрадкина "Литература первых послевоенных лет (1945–1949)", специально посвященный характеристике магического реализма (с. 22–29), и глава И.В.Млечиной "Герман Казак" (с. 97–106).

¹⁴ Дранов А.В. Антиутопия – путь к истине // Гелиополис. Немецкая антиутопия. Романы. М., 1992. С. 11–17.

¹⁵ Цит. по: История литературы ФРГ. С. 24.

¹⁶ К.Л. Т. 3. М., 1966. С. 291.

¹⁷ Kasack H. Deutsche Literatur im Zeichen des Expressionismus // Merkur. В., 1964. №158. S. 357.

¹⁸ Введенное Г. Казаком понятие "внерациональный" (Р. Музиль придумал для этого же понятие "нерационидный") является тоже попыткой магического реализма уйти от диктата традиционного "идеологического" "двуединства": "рациональный" – "иррациональный". "Внерациональный" примерно означает: разумный, но не по законам рационалистического и позитивистского мышления, а по законам иного, высшего мышления (но отнюдь не того, что традиционно обозначается "иррациональным"), которое и стремились постичь магические реалисты. (См. по этому поводу некоторые мои соображения на "круглом столе" "X век как литературная эпоха": Вопросы литературы. М., 1993. Выпуск 2. С. 68–74).

¹⁹ Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990; Образ мира в слове и ритуале. Балканские чтения -1. М., 1992; Кириллова О.Т. Творчество Иво Андрича. М., 1992.